

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

АНТИК
С ГВОЗДИКОЙ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Антик с гвоздикой : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-208774-5

Графиня Наталья Измestьева жила в своем имении полно-властной хозяйкой. Когда умер ее муж, редкостный негодяй, она изгнала из дома всех его прихвостней, перестала выезжать в свет и принимать у себя. Но вот у нее объявился сосед — князь Панюшин, который сразу заявил о себе, приехав к Измestьевой без приглашения. Графиню потрясла его наглость, но столь же сильно потрясла и личность князя. Он не был похож ни на одного из ее скучных соседей. Богатый и красивый князь считался выгодной партией для уездных барышень... Но какую игру затеял этот сердцеед, посылая именно Наталье розы из своей оранжереи? Неужели, думала она, Панюшин считает, что провинциальная вдова тут же сложит перед ним оружие? Сдаваться она не собиралась. И не знала, что князь Григорий потерял голову, увидев ее в первый же день приезда в имение — прекрасную амазонку на арабском скакуне...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мельникова И., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-208774-5

ГЛАВА 1

Серые от многодневных дождей поля, поникшие озимые, неряшливые копны прошлогодней соломы, раскисшая дорога, печально обвисшие ветви прибрежных раkit, черные пни на месте старых вырубok, покосившиеся кресты старых погостов, и повсюду — мокрые, недовольные вороны, сидящие на нижних ветках деревьев, камышовых крышах, повалившихся плетнях и провожающие слишком нарядную для подобной глуши карету унылым, полным мрачной безысходности карканьем.

Князь Григорий Панюшев в очередной раз выглянул из окна кареты, вздохнул и откинулся головой на подушки. Жесточайшая скука съедала его на протяжении последних дней, длинных и однообразных, как и весь путь до его нового имения, которое с божьей помощью и за приличную сумму кредитными билетами князь выкупил у наследников княгини Завидовской. Им оно было в тягость из-за обширных размеров, чрезмерной удаленности от города и приличных дорог.

Из Москвы выехали ясным июньским утром, сухим и теплым. Кажется, ничто не предвещало долгого нынешнего ненастья, но на подъездах к Ярославлю их

накрыла огромная грозовая туча, исхлестала, словно плетью, градом, обрушилась щедрым ливнем, который к исходу ночи превратился в нудно морозящую nepотpeбу, окончательно испортившую дальнейшее путешествие.

Княжеский обоз из пяти фур с племенными лошадьми и десятка кибиток, в которых ехали повара, официанты, конюхи, берейторы, псары с борзыми и гончими собаками, музыканты, а также два его камердинера, охраняемый вдобавок двумя дюжинами конных егерей, растянулся на полверсты. И вместо обещанных двух-трех дней тащился по раскисшим дорогам уже неделю. Причем князю и его многочисленной челяди не единожды приходилось ночевать в палатках, которые разбивали или прямо в поле, или на лесной поляне. Постоялые дворы в этих местах отстояли друг от друга не меньше, чем на полсотни верст, к тому же отличались такой убожеством и грязью, что князь предпочитал провести ночь на узкой походной кровати, нежели на кишаших блохами и клопами перинах очередного auberge¹.

— Долго еще? — спросил он недовольно, не поворачивая головы к соседу, старинному своему приятелю, товарищу по забавам ветреной юности, которого он совершенно случайно отыскал в Санкт-Петербурге по возвращении в Россию. Известный всей столице лихой гусар, бретер и повеса, Аркадий Дроздовский славился еще и тем, что, получив внезапно свалившееся на него наследство, исправно пропивал его в компании подобных ему гуляк и бездельников.

Но более всего знаменит он был своей необыкновенной страстью к уличным маскарадам и в первую очередь прославился проказой, о которой долго судачили в северной столице. Нарядившись нищенкой-

¹ Постоялый двор (*фр.*).

чухонкой, он принялся мести тротуары перед домом своего дальнего родственника князя Голицына, а на следующий вечер повторил это занятие уже перед особняком престарелой княгини Рузаковцевой, любившей устраивать шумные празднества с приглашением множества именитых гостей.

В рваном платье, с лицом, измазанным сажей, с растрепанной метлой в руках он сновал между экипажей, норовя задеть или потереться боком о разряженных светских красавиц и их напыщенных, точно павлины, кавалеров. Завидев знакомого или приятеля, он тотчас кидался к нему, требовал милостыни, тряс перед ним грязной метлой, хватал его за отвороты сюртука и как бы ненароком сбивал цилиндр. В случае отказа бранился по-чухонски и очень умело отбивался от дюжих лакеев, которым обиженные хозяева приказывали гнать нищенку с глаз долой. Иногда ему крепко доставалась, но, несмотря на тумачи и шишки, страсти своей Аркадий не утратил и продолжал озорничать и потешать столичную публику своими выходками. И хохотал громче всех, когда его узнавали.

Жертв его розыгрышей с каждым днем становилось все больше, про его проказы рассказывали легенды, и, не желая потерять славу оригинала и выдумщика, он вынужден был прибегать все к новым и новым уловкам и хитростям, чтобы обвести очередных простаков вокруг пальца. Поэтому розыгрыши Дроздовского с каждым разом становились все изощреннее и злее, а пресыщенную его переодеваниями публику уже не так просто было обмануть и тем более рассмешить.

В свете постепенно назревало недовольство, но проказник, казалось, ничего не замечал и продолжал развлекаться как ни в чем не бывало. Однажды к известной своей набожностью и праведной жизнью графине Черноуховой заявили две монашенки и приня-

лись слезно просить подаяние на монастырь. Просили и рыдали так убедительно, что Черноухова самолично отправилась за деньгами, а вернувшись, свалилась в обморок: монашки с неистовством и диким хохотом плясали вприсядку. То был Дроздовский на пару с приятелем. Говорят, Черноухову поразила не сама пляска, а изрядно волосатые ноги монашенок, которыми они выделявали коленца, задрав подола одеяний чуть ли не до пояса.

Чашу терпения переполнил случай, который и положил конец мистификациям и шуткам Дроздовского. На одном большом обеде, в то время, когда гости рассаживались по местам, из-под шведского дипломата выдернули стул. Дипломат растянулся на полу, но тотчас вскочил на ноги и дрожащим от гнева голосом произнес: «Надеюсь, что негодяй, который позволил со мной дерзость, объявит свое имя!» Дроздовский не объявил и с этих пор словно умер для столичного бомонда. Обиды и насмешки от него выносили, но трусости не простили.

Накануне встречи с князем Панюшевым Аркадия жестоко избили в подворотне собственного дома. И как он подозревал, люди, нанятые одним из обиженных. С момента своего конфуза Дроздовский пил все дни напролет, а прежние друзья и приятели после падения своего кумира весьма быстро покинули его. К тому же оказалось, что долговых расписок и разных денежных распоряжений и поручений выписано им на сумму гораздо большую, чем тетушкино наследство. Поэтому в уплату долгов ушли не только остатки денег, но и отцовский дом в Петербурге, и небольшое имение на берегу реки Клязьмы...

— Верст десять, — прервав размышления князя, ответил Аркадий, — сейчас вдоль озера с полверсты проедем, потом будет мост через Бедовый овраг, а там уж и твои земли начнутся.

— Что, в озере много рыбы? — спросил князь и зевнул.

— Много, ваша светлость, много, — вздохнул сидящий напротив управляющий имением Кузьма Ильич Бобрыкин. Он встретил обоз накануне в городе. — Только с вашей-то стороны к озеру не подступиться. Топи да болота. А у барыни, говорят, мужики изрядно ловят. В прошлом годе щуку с золотой серьгой поймали. Старики рассказывают, ее еще при матушке Екатерине в озеро выпустили. Очень любила императрица у старого графа гостевать. Видно, запала душой на наши места. А когда граф после пожара новый каменный дом выстроил, она вроде сама его и нарекла: «Антик с гвоздикой»¹. До сей поры так имение и называется.

— Что за граф? — Григорий зевнул и вновь выглянул в окно. Дождь прекратился, а в небе сквозь поднявшиеся вверх тучи проявился вдруг тусклый солнечный диск.

— Измесьтев, — ответил за Бобрыкина Аркадий. — Сам старик лет тридцать назад помер, но ты должен помнить молодого. Федором его звали. Богат он был безмерно, но балы почти не посещал, в карты по крупному не играл. И женился как-то тихо, без огласки. Говорят, матушка ему сама невесту подыскала. А лет восемь назад он себе шею свернул. Лошадь понесла и сбросила его в овраг. Как раз в тот самый, что сейчас переезжать будем. В Бедовый.

— Что ж, потому его так и называют Бедовым? — Григорий посмотрел на управляющего.

— Да нет, — махнул рукой Бобрыкин, — тут у нас самые разбойные места были. Старики рассказывают, чуть подале, в Страшном овраге, сам Иван Лихутев

¹ Антик с гвоздикой — нечто особенное, исключительно красивое, выдающееся, из ряда вон выходящее (*старин.*).

со своей шайкой станом стоял. Грабили и убивали всех без разбору. Раньше за двадцать верст уезжаешь, а бабы ревмя ревут, будто на верную гибель провожают. Сам-то Ванька-разбойник силы был немереной и хитрован, каких поискать. Один ходил на сотню обозных подвод. А в холмах, — Кузьма указал рукой в сторону проглядывающего сквозь густые заросли озера, — на старой дороге у Грехового обрыва он как-то одного помещика ограбил. Наскочил с дюжиной своих разбойников на обоз поболее нашего, одних слуг да свиты было человек сто, и взял все подчистую. Оставил только по расчету, сколько нужно было на проезд, на молебен и на свечу к чудотворной иконе. А на Зарайской горе спускал купцов кубарями и даже отправлял кое-кого за рыбными процентами на дно озера.

— Про этого Лихутьева здесь чистые сказки рассказывают, — усмехнулся Аркадий. — Якобы окружит его военная команда, а он выпьет заветный ковш вина и исчезнет в том же ковше. В другой раз его совсем уж было схватили и связали, но вдруг вся изба занялась дымом и пламенем, словно пороху кто подкинул.

— Что ж, поймали его? — Григорий почувствовал, что скука окончательно оставила его.

— Про то неизвестно, — вздохнул управляющий и виновато развел руками, словно это по его упущению хитрый и дерзкий разбойник не был схвачен и посажен в острог. Но тут же, прищурившись, с ухмылкой произнес: — Давненько это было, еще при матушке Екатерине, так что, может, и врут люди-то.

— Выходит, императрица не боялась разбойников, если часто гостила в этих местах?

— Не боялась, ваша светлость, видит бог, не боялась, — перекрестился управляющий. — Да и на то время, когда она здесь пребывала, разбои прекращались. — Кузьма слегка понизил голос и боязливо ог-

лянулся на окно кареты. — Люди поговаривают, что граф Измestьев и Ванька Лихутьев — в одном лице пребывали. Граф, видно, потому и промышлял грабежами да разбоями, что дела у него поначалу худо шли, а потом разбогател как бы ни с того ни с сего. Был даже случай, когда один из купцов, не знаю уж насколько это правда, углядел на графе свой кафтан. Но купец вскорости исчез, как сквозь землю провалился, а с графом связываться боялись. Роста он был высокого и силы необыкновенной. Руками подковы гнул и тройку лошадей за задок саней удерживал. А вот сын подкачал. И ростом не вышел, и голос писклявый, как у девки. После смерти графа имением старая графиня управляла, она-то Федора Гавриловича и оженhила. Люди говорят, насильно. Никак молодой граф не хотел жениться. Но потом вроде свыкся, но шибко жену бил. Особенно после смерти матушки-графини свирепствовал, но молодая графиня тоже в долгу не оставалась. Рассказывают, что как-то из окна его вытолкала, после чего граф охромел...

Князь и Дроздовский переглянулись и рассмеялись.

— В соседях у тебя, Григорий, особенная женщина, — не переставая улыбаться, пояснил Аркадий. — Характера невыносимого, со всеми соседями в ссоре. На свои земли никого не пускает. С визитами не ездит. Живет почти отшельницей с сестрой да челядью. Две деревни и село имеет во владении, и, говорят, еще в Орловской да Воронежской губерниях деревни есть. Богата, капризна, своенравна.

— Красива?

— Красива, *mon cher*, очень красива, но не каждому под силу с такой упрямой и вздорной кобылкой справиться.

— Тебе приходилось с ней встречаться? — с неподдельным интересом спросил князь, и Дроздов-

ский ухмыльнулся про себя, заметив, как заблестели глаза у приятеля.

— Увы, бог миловал от подобного счастья. Графиня из тех, что самолично рекрутам лбы забривает и нагайку в руках с не меньшим искусством держит, чем тот же веер или лорнет.

— Пытались к ней свататься поначалу, — поддержал господскую беседу Кузьма, — только она и сватов и женихов велела батогом гнать аж до самой границы имения и с той поры на всех дорогах кордоны выставила, чтобы никто на ее спокойствие не покушался. Да вон один как раз виднеется. Тут самый короткий путь до усадьбы. А версты через две и сам дом увидим...

Григорий выглянул в окно. Широкая песчаная дорога заворачивала плавно в лес, где на опушке виднелись каменные столбы с навесными тесовыми воротами, возле которых стояли два здоровенных угрюмых мужика с кремневыми ружьями на изготовку.

— Крепкая стража, ничего не скажешь! — усмехнулся князь. — Неужто стрелять будут, если решимся вдову навестить?

— А кто ж их знает? — почесал в затылке Кузьма. — Покамест не стреляли, но никто ведь и не решается сквозь эти ворота проехать.

За разговорами они не заметили, что бескрайние поля сменились низкими пологими холмами, поросшими мрачным еловым лесом. И лишь изредка на месте бывших гарей и вырубок яркой зеленью полыхали молодые березняки или выскакивала вдруг на поляну стайка осин с мелкими, в копейку, листочками.

Дождь совсем прекратился. Песчаные осыпи под первыми, еще робкими лучами солнца казались золотыми доспехами, брошенными уставшим воином на обочину дороги. Напряженный взгляд пристально вглядывался в неприветливые и темные глубины ле-

са, замирал на каждом пригорке: вот-вот мелькнет среди деревьев заманчиво и дразняще фасад барского дома, прячущегося в парке, который разделяет непрерывная липовая аллея, ведущая к озеру. И, возможно, лишь этот ровный строй лип или белая стена беседки, а то и шпиль колокольни выдадут присутствие усадьбы со странным и интригующим названием «Антик с гвоздикой».

Григорий вздохнул. Сколько можно предаваться подобным романтическим иллюзиям? Разве не ошибался он в этой жизни, позволив чувствам взять верх над разумом? Ошибался, и не единожды, и вот опять размышлялся, как слюнтявый отрок, только что оторванный от маменькиной юбки.

И красавица-вдова наверняка окажется толстой и курносой, увядшей прежде времени помещицей, с большой грудью и в нарядах, которые вышли из моды лет этак двадцать назад. Самодурство в крови русских барынь, особенно тех, что обрекли себя на проживание в подобных, богом забытых местах, где модные парижские журналы отродясь в руках не держали, и вся забава что с мухами воевать да девок по щекам хлестать или с собственным конюхом прелюбодействовать.

Но напряжение в нем продолжало расти, непонятное раздражающее его напряжение, переходящее в дрожь, и, чтобы ее унять, ему пришлось стиснуть зубы и сцепить пальцы — подрагиванием они могли выказать его неожиданное и столь же нелепое волнение.

Чтобы не выдать своего ничем не оправданного интереса к окрестностям, Григорий смотрел в окно кареты вполоборота, словно нехотя, надеясь, что его взгляд по-прежнему скучающе-ленив и никоим образом не отражает истинного настроения хозяина.

Слева над холмами и темной стеной елового леса показалась высокая колокольня, четко выделяющая-

ся на фоне посветлевшего неба. Дорога взлетела на увал, и с него открылась панорама городка, разлегшегося на высоком противоположном берегу реки, бесконечные извивы которой терялись среди холмистых гряд, укрытых густым лесом.

Храмы, зубчатые стены, башни... Далеко видны высокие, поросшие травой земляные валы, маковки церквей, всегдашние аркады екатерининских еще торговых рядов и обывательские домики в садах, разбросанные по косогорам, разделенным оврагами.

— Белореченск, — пояснил Аркадий, — тут неподалеку бывшее матушкино имение находится. Я эти места с малолетства знаю.

Дорога вновь скользнула вниз, потом вверх. Где-то близко в затененном ивами овраге угадывалось присутствие небольшой речушки или ручья. Горбатый мост, бревна которого так резво пересчитали копыта лошадей, на пригорке покинутое здание немецкой экономии, а дальше совсем ровная, высокая, точно подрезанная гигантскими ножницами стена лип, и тут же справа между темными стволами опять бесконечная водная гладь огромного озера.

— Смотрите, ваша светлость! — выкрикнул Кузьма и вытянул руку в направлении озера. — Вон она, красота-то какая!

Но Григорий уже и сам увидел то, что Екатерина Великая окрестила когда-то «Антиком с гвоздикой». Огромный трехэтажный дом из белого камня с шестью колоннами парадного входа, на которых покоился изящный треугольный фронто́н. Высокое крыльцо, двумя маршами сбегаящее к озеру, украшено фигурами мраморных львов, лежащих в позе сфинксов. Образуя двор, кругом, словно девки в хороводе, расступились липы, а в самом центре его возвышался громадный дуб с привольно раскинувшимися ветвями, прикрывающими дом от посторонних взглядов.

В высоких окнах бельэтажа, за которыми угадывались анфилады парадных покоев, играли солнечные лучи, еще выше — антресоль с почти квадратными окнами. Там наверняка находились детские и комнаты для учителей... Справа, неподалеку от дома, на высоком каменном пригорке виднелась легкая и изящная беседка-ротонда, укрытая кустами сирени, о восьми тосканских колоннах, несущих купол, увенчанный шаром.

Григорий перевел дыхание. Что-то давно забытое, почти сказочное всплыло в его памяти при виде этого чуда, затерянного в глуши среди мрачных и диких ельников, многочисленных озер и болот. Но дорога ушла в сторону, и усадьба скрылась за деревьями, лишь сполох солнечного луча, отраженного от окон верхнего этажа, мелькнул напоследок сквозь густые кроны. И это заставило мучительно сжаться сердце, потому что память вновь возвратила князя к самым тяжелым и безрадостным мгновениям его прошлой жизни.

Он снял шляпу и вытер платком вспотевшее лицо.

— Смотри, Григорий, — сказал тихо Аркадий, — похоже, сама хозяйка нас сопровождает.

Князь потянулся к окну и замер в восхищении от представшего перед ним зрелища всадника, вернее, всадницы в мужском костюме. Пригнувшись к шее великолепного арабского скакуна, она мчалась по дороге, идущей вдоль границ имения. Она настолько была поглощена скачкой, что не обращала внимания ни на обоз, ни на крики и свист егерей, ни на лай возбужденных собак, ни на улюлюканье слуг, высунувшихся из кибиток. Лошадь шла ровно, и всадница держалась в седле как влитая.

То и дело она скрывалась меж песчаных увалов или за деревьями, но тут же возникала снова. Женщи-

на была без шляпки, и ветер развевал густую гриву темных волос.

— Да-а! — протянул Григорий и озадаченно посмотрел на приятеля. — Чистая амазонка! Почище гусара в седле держится!

— Чего уж там! — покачал головой Аркадий и восхищенно произнес: — Не хотел бы я на скачках с ней встретиться. Нет, ты только посмотри, как ее лошадь слушается! Ну, ведьма, право слово, ведьма!

Лошадь с всадницей взлетела тем временем на высокий холм и застыла там как изваяние. И Григорий отметил, что наездница великолепно сложена и, верно, обладает сильным характером, если заставляет повиноваться себе столь гордое и непокорное создание, как чистокровный арабский скакун. Незнакомка тем временем из-под руки оглядела горизонт, долю секунды задержалась взглядом на обозе, а потом, натянув поводья, подняла коня на дыбы и, огрев его плеткой, исчезла почти мгновенно за холмом, еще быстрее, чем появилась перед этим на дороге.

— *C'est magnifique!*¹ — воскликнул Аркадий и захлопал в ладоши. — Чует мое сердце, князь, скучать рядом с подобной соседкой тебе не придется. Держу пари, кто-то ей сообщил о твоём приезде. Ох уж это женское любопытство и самолюбие! Дождь, слякоть, а она наперегонки с твоей каретой...

— Да графиня здесь завсегда катается. Дождь не дождь, все равно велит лошадь выводить, — остудил его восторг управляющий. — И утром тоже чуть свет выезжает, другой раз только солнце встанет, а она уже на другом конце озера. И чего ей не спится?

— Чего, чего, — рассмеялся Аркадий, — знамо дело чего... — Заметив недовольную гримасу на лице князя, он сбился и замолчал, почувствовав, что его

¹ Великолепно! (*фр.*)

домыслы по поводу ранних прогулок княгини в данном случае неуместны.

А Григорий подумал, что ему тоже захотелось вдруг прокатиться поутру вокруг озера, даже по росе, даже сквозь туман и дождь, чтобы увидеть поближе, разглядеть как следует эту странную женщину, будто видение промелькнувшую перед его глазами несколько мгновений назад.

ГЛАВА 2

Были освещены лишь часть вестибюля, истинные размеры которого терялись в темноте, и лестница, ведущая на второй этаж, но Григорий успел заметить, что мебель закрыта чехлами. Одиноким дворецкий с седыми бакенбардами, в небрежно натянутом на голову старинном парике, встретил их у дверей и, поклонившись, повел князя и его друга в библиотеку.

Занавеси на окнах были задернуты, но в камине полыхал огонь, и Григорий первым делом подошел к нему и протянул к пламени озябшие ладони.

— Никак лето не устоит ноне, — покачал головой дворецкий и спросил: — Ужин подавать, ваша светлость?

— Подавай! — Князь посмотрел на Дроздовского. — Думаю, следует хорошенько выпить по случаю благополучного завершения нашего путешествия.

Аркадий улыбнулся:

— Весьма дельное предложение! — И повернулся к дворецкому: — Эй, как тебя, любезный? Елистрат? Проводи-ка меня, Елистрат, к вашему погребку, где вина хранятся. А я уж сам отберу, что нам по вкусу придется. Кстати, какие вина барыня пила, французские или испанские? А может, венгерские?

— Ее сиятельство Мария Васильевна пили только

шампанское «Мозт» и «Аи», да еще мадеру, — вздохнул дворецкий. — Больше ничего не признавали-с.

— Что ж, на первый случай это даже неплохо, — подмигнул Аркадий князю. — А то я, грешным делом, испугался, что старуха по скудости претензий наливками баловалась, а я их терпеть не могу.

— Наливки тоже имеются, — степенно сказал дворецкий и принялся загибать пальцы. — Сливовая, на малине, на черной смородине, на рябине... Но лучше всех — вишневая. Княгиня ее самолично изготавлила.

— Ничего, дойдет дело и до наливок, — махнул рукой Аркадий. — В крайнем случае, я согласен и на наливку. Только без мух! А то я знаю местные обычаи. То муха в супе, то таракан в пироге...

— Зря вы так, ваша милость! — обиделся дворецкий. — Раньше наша барыня больше за границей жила, чем в имении, а по старости, когда уж кости скрутило, здесь обосновалась. Но порядки у нас навела тамошние. Не то что тараканов, мышей всех выжили.

Аркадий хлопнул дворецкого по плечу.

— Прекрасно! Теперешний твой барин тоже десять лет за границей прожил. Слышал про реку такую Амазонка? Протекает в далекой Южной Америке. Крокодилов там тьма, а еще больше арапов, местные их ниггерами зовут, что значит «черный». Представляешь, кожа у них чернее дегтя. — Он передернулся. — Бр-р! Страх господний!

Дворецкий невозмутимо посмотрел на него:

— У господ все едины, ваша милость! Выходит, была у него такая надобность черными их изобразить.

— А ты, братец, дипломат! — ухмыльнулся Аркадий. — Всему, видно, оправдание найдешь.

Подталкивая дворецкого в спину, он вышел из библиотеки. Григорий взял со стола массивный под-

свечник с единственной зажженной свечой и осветил книжные полки и тяжелую дубовую мебель, которой была обставлена библиотека.

— О небо! — воскликнул он озадаченно, обнаружив, что большинство книг на латинском и немецком языках, изрядно попортивших ему кровь в детстве. Он перевел взгляд на стену и хмыкнул еще более удивленно, узрев портрет, вероятно, кого-то из предков княгини Завидовской, судя по одежде, жившего добрую сотню, а то и больше лет назад. — Это кто такой? — спросил он у дворецкого, вновь возникшего в библиотеке, но уже в компании двух заспанных лакеев, которые, толкаясь друг о друга, принялись накрывать стол для позднего ужина.

Дворецкий подошел ближе и, слегка прищурившись, взгляделся в портрет, мрачно взирающий на них со стены. Потом махнул рукой.

— А, это прадед княгини, князь Лисовой. Говорят, император Петр его Старым Лисом прозвал за ум и за хитрость. А потом казнил, потому что он супротив царя пошел. Сына его непутевого, цесаревича Алешку, спасти хотел от смерти... Как уж там у них получилось, никому не ведомо, но только государь император дюже осерчал, когда узнал про изменщика. — Дворецкий вздохнул и посмотрел на князя: — Головы тогда, как капусту, рубили... Вот и у него тоже в одночасье слетела.

— Да, кстати, веская причина, чтобы смотреть столь мрачно, — усмехнулся князь и обвел рукой книжные шкафы. — Неужто княгиня все это читала?

— Мне это неведомо, ваша светлость, — пожал плечами дворецкий, — она почти здесь не бывала, а вот старый князь любил около камина погреться да трубку раскурить. Он так тут и умер, вон в том кресле, — кивнул он в темный угол, где виднелось массивное кожаное кресло. — Заснул и не проснулся...

— Да-а? — протянул удивленно князь. — А княгиня случайно не в моей будущей постели скончалась?

— Нет, ваша светлость, — не дрогнув бровью, пояснил дворецкий, — ее спальня в другой половине дома и на первом этаже, а вам спальню на втором этаже приготовили, там раньше молодой князь спали, пока в Морской корпус служить не уехали.

— Ну, слава богу, а то я раз мечтался... — усмехнулся князь и оглянулся на портрет угрюмого предка прежней хозяйки поместья. — Надеюсь, привидений здесь не водится?

— А это уж как везде, — вздохнул удрученно дворецкий, — вот в прошлом годе, по осени у нас на конюшне кузнец удавился по причине несчастной любви. Так девки-вышивальщицы рассказывают, что несколько раз после того его видели. В белом саване, борода тоже белая... Слоняется возле бани, где он свою Дуняху с конюхом застал, и жалобно так стонет: «Дуняша, мол, Дуняша!» Но девкам и соврать недорого взять! А на болотах недавно мужики корову встретили о четырех рогах, до самой дороги за ними гналась... Всякое бывает, незнамо откуда только что беретя!

«Известно откуда, от скудости ума и известной дикости фантазий», — хотел сказать князь, но передумал. Старик был ему приятен, и не его вина, что ему не удалось, как самому князю, повидать свет и прочитывать все эти мудреные книги, которые, похоже, отродясь никто с полок не снимал. Разве только горничная смахнет изредка пыль с корешков да раз в год проверят, не завелся ли кожеед и не закралась ли плесень между страниц.

— Ладно, иди спать, — приказал он дворецкому, — только вели, чтобы на рассвете моего Мулата и лошадь его милости оседлали. Мы с ним верхами прогуляемся. Окрестности имения осмотрим. Да, и